

Н.Н. Серегин ^a, С.С. Матренин ^{a, b}, Т.-О. Идэрхангай ^c

^a Алтайский государственный университет
просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049

^b Барнаульский юридический институт
ул. Чкалова, 49, Барнаул, 656038

^c Уланбаторский государственный университет
просп. Доржа, 5, Улан-Батор, 210351, Монголия

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru; matrenins@mail.ru; iderkhangai2007@yahoo.com

СКАЛЬНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ УРД УЛААН УНЭЭТ (МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ): ВОЗМОЖНОСТИ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья посвящена характеристике материалов скального погребения Урд Улаан Унээт, исследованного в Западной Монголии. Представлено описание данного памятника, изложены результаты детального анализа зафиксированного инвентаря, а также продемонстрированы возможности культурно-хронологической интерпретации объекта. Комплекс отнесен к жужанскому времени и датирован в рамках середины IV — V в. н.э. с возможным расширением верхней хронологической границы до начала VI в. н.э.

Ключевые слова: скальное погребение, жужанское время, Монгольский Алтай, предметный комплекс, хронология, интерпретация.

Введение

Вторая четверть I тыс. н.э. является важным периодом в истории Центральной Азии, имеющим принципиальное значение как для понимания сложных этнокультурных и социально-политических явлений эпохи Великого переселения народов, так и для реконструкции процессов сложения кочевых империй раннего средневековья. В связи с известной фрагментарностью археологических материалов Монголии изучение жужанского времени традиционно основывается на сведениях письменных источников — китайских династийных хроник [Хандсурэн, 1993; Воробьев, 1994, с. 297–303; Крадин, 2007, с. 146–173; Кычанов, 2010, с. 91–95; Монголын эртний түүх, 2017; и мн. др.]. Вместе с тем в результате полевых исследований, проведенных в различных частях страны в последние десятилетия XX — начале XXI в., сформирована пока небольшая, но уже довольно показательная серия объектов второй половины IV — первой половины VI в. н.э., насчитывающая около десяти захоронений [Цэвэндорж et al., 2003; Цэвэндорж и др., 2008; Эргээн, Ишцэрэн, 2014; Батсүх et al., 2016; Очир, Анхбаяр, 2016; Төрбат et al., 2016; и др.]¹. Эти комплексы, демонстрирующие высокую степень варибельности показателей погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря, отражают сложную этнокультурную ситуацию в регионе, а также обширные контакты оставившего их населения.

Одним из ярких памятников жужанского времени, изученных в Монголии в последние годы, является скальное захоронение Урд Улаан Унээт. Как и в случае с большинством других подобных объектов, обозначенное погребение было обнаружено местными жителями случайно и частично разрушено. Однако высочайшая степень сохранности артефактов, в том числе из органических материалов, позволила археологам получить значительный объем информации для разностороннего изучения материальной культуры кочевников Монголии и сопредельных территорий рубежа поздней древности и раннего средневековья. В настоящей статье авторами представлены возможности культурно-хронологической интерпретации данного объекта в контексте уже имеющихся обширных археологических источников сяньбийско-жужанского времени и раннего средневековья, сформированных в ходе раскопок в различных частях центрально-азиатского региона.

Общая характеристика памятника

Скальное погребение Урд Улаан Унээт расположено в баге Цагаанбулаг Мянгад сомона Кобдоского аймака, на высоте 1327 м над уровнем моря (рис. 1). Первая информация о данном

¹ Общие результаты систематизации и анализа этих комплексов представлены в отдельной статье авторов настоящей публикации, находящейся в печати.

Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай)...

комплексе, разрушенном в ходе несанкционированных работ, была получена в начале апреля 2015 г. Уже в первой декаде мая этого же года группой специалистов из Национального исторического музея Монголии проведены исследования объекта. Значительная часть имеющихся находок (остатки лука, стрелы, колчан, деревянный сосуд, железный нож с костяной рукоятью, седло и др.) из рассматриваемого памятника были конфискованы у «черных» археологов и переданы в музей [Баярсайхан et al., 2016].

Рис. 1. Карта-схема расположения скального погребения Урд Улаан Унээт.

Fig. 1. Map of the location of the cave burial Urd Ulaan Uneet.

Ситуация, зафиксированная в ходе исследования разрушенного объекта, свидетельствует, что в скальном гроте был погребен мужчина, уложенный в деревянный гроб и ориентированный в северо-западном направлении [Баярсайхан et al., 2016]. Длина деревянной конструкции составляла 192 см, ширина около головы — 64 см, ширина в районе ног — 34 см. Человека сопровождала лошадь рыжей масти, которая, судя по сохранившимся останкам, находилась рядом с умершим. При расчистке площади захоронения выявлена серия находок, в том числе многочисленные элементы одежды, а также туго завязанный мешочек из тонко выделанной шкуры, в котором находились небольшие своеобразные деревянные изделия округлой и овальной формы.

Результаты дальнейшего изучения материалов из скального погребения Урд Улаан Унээт представлены в нескольких публикациях [Баярсайхан et al., 2017; Түвшинжаргал, Баярсайхан, 2017; Баярсайхан, Түвшинжаргал, 2018]. Первоначально монгольские исследователи отнесли данный комплекс к раннему средневековью, определив дату в рамках VI–X вв. н.э. [Баярсайхан et al., 2016, т. 88]. В другой статье археологи, опираясь на результаты радиоуглеродного анализа, датировали памятник III в. н.э., охарактеризовав седло как наиболее раннюю подобную находку на территории Монголии [Түвшинжаргал, Баярсайхан, 2017, т. 87–88]. Наконец, в более поздних публикациях скальное погребение обозначено как один из редких комплексов жуанского времени (IV–VI вв. н.э.) [Хадан гэрийн соёл, 2017, т. 28; Баярсайхан, Түвшинжаргал, 2018, т. 117].

Широкому обсуждению рассматриваемого комплекса, а также других памятников способствовал ряд научных мероприятий, организованных в Монголии в последние годы. В конце весны 2017 г. в Монгольском национальном историческом музее состоялось открытие выставки нахо-

док из скальных погребений, в том числе памятника Урд Улаан Унээт, и был опубликован каталог [Хадан гэрийн соёл, 2017]. Демонстрация этих материалов дала возможность одному из авторов настоящей статьи ознакомиться с большей частью находок из анализируемого комплекса. В октябре 2018 г. в этом же учреждении прошла конференция «История и культура сяньби и жужаней». В опубликованном сборнике материалов данного форума [Сяньби, Жужаны үейн..., 2018] монгольскими археологами были кратко изложены новые данные и некоторые результаты их изучения.

Учитывая значительную степень разрушенности, а также фрагментарность информации об обряде захоронения, при культурно-хронологической интерпретации данного погребального памятника опираемся на анализ предметного комплекса.

Анализ предметного комплекса

Скальное погребение Урд Улаан Унээт включает выразительный сопроводительный инвентарь, в том числе редкие по сохранности предметы снаряжения, одежды и бытовой утвари, выполненные из дерева, кости и кожи. В хронологическом контексте основное внимание уделим следующим изделиям.

Весьма показательным элементом предметного комплекса рассматриваемого памятника является *деревянное седло* (рис. 2). Полностью сохранившийся деревянный ленчик седла состоит из двух фигурно оформленных изогнутых полок с «крыльями», имеющих углубления-гнезда для крепления передней и задней луки. Передняя лука каркаса фиксируется вертикально. Она представляет собой высокую дугообразную пластину, напоминающую арку, с двумя уплощенными основаниями. Задняя лука — пластина в форме арки (дуги) имеет меньшие размеры и соединяется с полкой в наклонном положении.

Рис. 2. Седло из комплекса Урд Улаан Унээт (без масштаба). Фото Н.Н. Серегина.
Fig. 2. Saddle from the Urd Ulaan Uneet complex (without scale). Photo by N.N. Seregin.

Изучение «твердых» седел народов Евразии осложняется в первую очередь плохой сохранностью этих изделий в археологических памятниках середины I тыс. н.э. Судя по имеющимся археологическим источникам, самые ранние модификации «жестких» седел с деревянными полками появились в Восточной Азии в начале IV в. н.э. у сяньби [Вайнштейн, 1991, с. 216; Комиссаров, Худяков, 2007; и др.]. Судить о масштабах их использования в данном ре-

Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай)...

гионе в свете имеющихся вещественных и изобразительных материалов достаточно трудно. В этом контексте следует отметить, что отсутствие в погребениях деревянных полок, которые могли не сохраниться, может быть принято в равной степени как основание для интерпретации «жесткого» седла как «полужесткого» и наоборот. В качестве яркого примера такой ситуации можно привести реконструкцию седла из богатого сяньбийского захоронения в Аньяне провинции Хэнань [Вайнштейн, 1991, рис. 97, 2], не имеющую, по мнению Е.В. Степановой [2015, с. 411–416], «никакой археологической основы — в погребении были найдены только П-образные луки».

Ближайшие аналоги седлу из скального захоронения Урд Улаан Унээт обнаружены в Восточном Туркестане в погребениях (М 122, М 133) третьего периода культуры могильника Чжангуньлук, датирующихся, судя по найденному в них инвентарю, IV–V вв. н.э. [Синьцзян-Уйгурский автономный районный музей..., 2003, рис. 2, 8; 10, 1–2; 15, 2]. Похожие «жесткие» седла с полками без стремян найдены на Алтае в процессе раскопок «элитного» погребального комплекса жужанского времени некрополя Яломан-II (Центральный Алтай) [Тишкин, Мельников, 2016, рис. 84–90]. Полученные абсолютные даты свидетельствуют, что «яломанский» тип седла без стремян относится ко второй половине IV — началу V в. н.э. Подобные изделия являются самой ранней достоверной археологической находкой «степного» седла с твердым каркасом на территории всего центрально-азиатского региона.

Имеются все основания предполагать, что седло из комплекса Урд Улаан Унээт принадлежит к одной традиции с яломанскими и восточно-туркестанскими образцами. Носителями ее могли быть жужани или другие кочевые народы, проживавшие во владениях Жужанского каганата. Открытым остается вопрос, что являлось исходной базой для изобретения такой совершенной модификации «жесткого» седла — передовой новации середины I тыс. н.э., определившей весь последующий ход развития данного элемента снаряжения верхового коня народов Евразии. Вероятно, в генезисе данных седел решающую роль сыграло военное противостояние жужаней с империей Тоба Вэй в конце IV — начале V в. н.э., в рамках которого сложились условия для межкультурного контакта (обмена, заимствований) и формирования новых эффективных средств ведения конного боя. Удобство «степного» седла давало возможность легкой посадки на коня без стремян (в этом плане показательны наличие «посадочных» стремян у сяньбийских и когурёсских седел с высокими П-образными луками). Седла этой традиции (можно условно обозначить ее как «жужанскую») стали исходным прототипом классического кочевнического седла со стремянами, широко распространившегося во многих областях Евразии с середины VI в. н.э. в ходе военных кампаний раннесредневековых тюрков.

Рис. 3. Элементы конского снаряжения из комплекса Урд Улаан Унээт (без масштаба). Фото Н.Н. Серегина: 1 — удила с псалиями; 2 — пряжка.

Fig. 3. Elements of horse equipment from the Urd Ulaan Uneet complex (without scale). Photo by N.N. Seregin: 1 — bit with psalia; 2 — buckle.

Другим элементом конского снаряжения из скального погребения Урд Улаан Унээт являются железные *удила и псалии* (рис. 3, 1). Подобные удила с кольцевым соединением грызел, имеющих кольчатые окончания, достаточно часто встречаются в тюркских памятниках Центральной Азии начиная со второй половины V в. н.э. [Тишкин, Серегин, 2011, рис. 1, 1–10]. Бо-

более показательны с точки зрения хронологии роговые псалии. В целом данные изделия появляются и бытуют в различных частях обозначенного региона в скифо-сакское и хуннско-сяньбийское время [Кляшторный, Савинов, 2005, рис. 2, 7; 3, 11; Соенов, 1998, рис. 1, 9; Матренин, 2018, рис. 1, 18–24; и др.]. Однако показательным элементом образцов из монгольского скального погребения следует считать железные скобы. Предметы с таким вариантом оформления крепления удила и псалиев получили распространение, судя по имеющимся материалам, с середины VII в. н.э. [Гаврилова, 1965, рис. 8, 10; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 9, 7; и др.]. Находки из комплекса Урд Улаан Унээт сочетают железные скобы с архаичной формой псалиев, что, вероятно, демонстрирует более раннее появление таких уздечных комплектов.

Железная пряжка с подвижным язычком на основании рамки квадратной формы без щитка (рис. 3, 2) не имеет узкой хронологии. В Центральной Азии аналогичные ременные гарнитуры встречаются с хуннского времени (II в. до н.э. — I в. н.э.) [Коновалов, 1976, табл. IX-5, 6, 7; XI-6, 7; XII-8; Давыдова, 1996, табл. 26-3, 8, 36-2]. Подвижноязычковые пряжки с квадратной рамкой без щитка широко представлены в предметном комплексе тюрок обозначенного региона начиная со второй половины V в. и на протяжении всего I тыс. н.э. [Тишкин, Серегин, 2011, рис. 3, 13–17; Овчинникова, 1990, рис. 21, 10; 50, 1, 2, 7, 9].

Сложносоставной лук. Сохранилась длинная «М»-образная деревянная кибить, усиленная комплектом из семи роговых накладок (рис. 4, 1, 2). Сложносоставные луки данной конструкции наиболее широко применялись в азиатском регионе на протяжении хуннско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. — V в. н.э.). Подобные предметы, судя по известным материалам бурхотуйской культуры Забайкалья, могли использоваться вплоть до начала VI в. н.э. [Худяков, 1991, с. 49–51]. Во второй половине I тыс. н.э. их вытесняют луки тюркской традиции, имеющие среднюю длину кибити и соответствующие накладки [Горбунов, 2006, с. 23–24].

Рис. 4. Вооружение дальнего боя из комплекса Урд Улаан Унээт (без масштаба). Фото Н.Н. Серегина:

1 — кибить лука; 2 — накладки на лук; 3, 4 — стрелы.

Fig. 4. Ranged weapons from the Urd Ulaan Uneet complex (without scale). Photo by N.N. Seregin:

1 — bow; 2 — pads on bow; 3, 4 — arrows.

Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай)...

Концевые боковые накладки лука из рассматриваемого погребения дуговидные, длинные, узкие, со спрямленной головкой. Они известны уже у хуннских луков. Наиболее поздние аналоги им представлены в памятниках Алтая III–V вв. н.э., лесостепного Алтая второй половины IV — V в. н.э., в погребениях кенкольской культуры Семиречья, в объектах гуннского времени (конец IV — V в. н.э.) из Восточного Казахстана и др. [Арсланова, 1975, табл. II; Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 78, рис. 1, 3, 4; Худяков и др., 1998, рис. 1, 4; Горбунов, 2006, рис. 4, 8, 9, 13–15].

К сожалению, форма срединных боковых накладок не установлена, так как окончания пластины перекрыты обмоткой. Однако по наличию прямых параллельных боковых сторон можно предположить, что они имели трапециевидный абрис удлинённых пропорций. Срединные боковые накладки в виде длинных трапециевидных пластин зафиксированы на территории Центральной Азии в памятниках кокзельской культуры (вторая половина III — IV в. н.э.) и в захоронениях чаатинского типа (вторая четверть I тыс. н.э.) [Кызласов, 1979, рис. 21, 3, 4; 24, 2, 4, 6; Худяков, 1986, рис. 22, 1, 3; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 78, 6; и др.]. Луки со срединными боковыми накладками трапециевидной формы имеются в комплексах III–IV вв. н.э. Тянь-Шаня и Восточного Приаралья [Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 1, 2, 5; Левина, 1996, рис. 87, 7, 9; 88, 4, 5]. Близкие по оформлению экземпляры встречаются в бурхотуйской культуре IV–VI вв. н.э. Восточного Забайкалья [Ковычев, 1981, с. 99; Худяков, 1991, с. 51, рис. 24, 7–9]. Похожие накладки найдены в погребениях гуннского времени (конец IV — V в. н.э.) Восточного Казахстана и Южного Приуралья [Засецкая, 1994, табл. 38, 3; Боталов и др., 2006, рис. 43, 1]. Накладки трапециевидной формы в Восточном Туркестане происходят из погребения в Ния, датированного периодом «Хань-Цзинь», не позднее династии Ранняя Лян (317–376 гг. н.э.) [Excavation of Tomb ..., 2000, p. 40, fig. 16, 2, 18]. На территории алтайской лесостепи срединные боковые накладки трапециевидной формы относятся ко второй половине IV — V в. н.э. [Горбунов, 2006, с. 11, 17; рис. 4, 17, 19]. Начальный период использования таких предметов населением булан-кобинской культуры Алтая предварительно определяется в рамках III в. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 43]. Развитие подобных изделий во второй половине V — начале VI в. н.э. в сторону сокращения длины привело к формированию накладок тюркской культурной традиции [Горбунов, 2006, с. 17]. Таким образом, общая датировка лука из комплекса Урд Улаан Унээт определяется III–V вв. н.э.

Стрелы с железными наконечниками. Сохранились четыре деревянных древка, снабженных железными наконечниками с черешковым насадом. Наиболее показательным в плане хронологии является наконечник с трехгранным пером треугольной формы и цилиндрическим упором (рис. 4, 3). Такие проникатели были предназначены для поражения металлического бронепокрывтия на короткой дистанции [Ведерников и др., 1995, с. 64–65]. В Центральной Азии они известны уже в вооружении хунну I в. до н.э. — I в. н.э. [Худяков, 1986, с. 31, рис. 6, 1; Giscard, 2011, fig. 11]. Наконечники с данным сечением пера интенсивно использовались населением Средней Азии в III–VIII вв. н.э. [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 84, рис. 6, 7–10, 13–24; Левина, 1993, рис. 17, 6; 80, 4; 1996, рис. 92, 20, 23, 45]. В Северной Азии бронепойные наконечники широко применялись с периода активного внедрения железного доспеха во второй половине IV — V в. н.э. [Горбунов, 2006, с. 40]. Появление трехгранных наконечников в колчаных наборах воинов Алтая связано с влиянием кенкольского комплекса вооружения во второй четверти I тыс. н.э. Начальный период бытования трехгранных наконечников с цилиндрическим упором у населения булан-кобинской культуры определяется серединой IV — V в. н.э. по находке из кургана № 4 могильника Усть-Бийке-III [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 21, 6; Горбунов, 2006, с. 40]. В дальнейшем похожие экземпляры встречаются в раннем и развитом средневековье [Худяков, 1986, с. 146, 171, 185, 1991, с. 114; Горбунов, 2006, с. 33, рис. 24, 15; 29, 31; 31, 19; и др.].

Трехлопастной наконечник с ромбическим пером без упора (рис. 4, 4) относится к числу широко распространенных модификаций проникателей, аналоги которым зафиксированы в колчаных наборах сянби Маньчжурии и Юго-Восточного Забайкалья конца I — III в. н.э., кокзельской и чаатинской культуры Тувы второй половины III — V в. н.э., таштыкской культуры Хакасии IV–VI вв. н.э., одинцовской культуры алтайской лесостепи второй половины IV — V в. н.э., джетыасарской культуры Восточного Приаралья III–V вв. н.э. [Сорокин, 1956, с. 3–14; Данченко, Нестеров, 1989, рис. 2, 2, 3, 7, 12; Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 81, рис. 3, 1, 3–9, 11–19; 4, 1–5, 8, 9; Левина, 1996, рис. 92, 21–22, 26, 35–37, 45; Подушкин, 2000, с. 66; Троицкая, Новиков, 1998, с. 36, рис. 21, 6, 17, 20, 23, 32; Худяков, 1986, с. 69–70, 92, 111, рис. 27, 25–26; 36, 1, 2, 3–

6; 1991, с. 52, рис. 25, 2, 6, 15; 2005, с. 11, рис. 2]. На Алтае такие наконечники встречаются в закрытых комплексах II–V вв. н.э. [Горбунов, 2006, с. 30–31, рис. 25, 5, 6, 14–17, 23].

Кожаный колчан (рис. 5, 1) имеет корпус в виде цилиндра-тубуса с «карманом» (щитком) в верхней части. В момент ознакомления одного из авторов статьи с данной находкой стрелы в колчане были уложены наконечниками вниз. Колчаны с «карманом» получили широкое распространение в Алтае-Саянском регионе и на сопредельных территориях во второй половине I — начале II тыс. н.э. [Овчинникова, 1990, с. 76, табл. 14; Кубарев, 2005, с. 88–91; Горбунов, 2006, с. 46]. В происхождении и ранней истории распространения подобных изделий в Центральной Азии сохраняется много открытых вопросов. Наиболее ранние уверенно датированные изображения сложившихся («классических») колчанов с карманами представлены в китайских памятниках VI в. н.э. [Панкова, 2011]. По мнению М.В. Горелика [1995, с. 379], происхождение данных колчанов могло быть связано с разделением саадаков с длинной налучью и трубковидным футляром, которое произошло ранее VI в. н.э. Согласно заключению С.В. Панковой [2011, с. 131–132], оригинальные совмещенные саадаки таштыкской культуры, предполагаемые среди изображений на тепсейских плакетках со Среднего Енисея, сочетают в себе местную и пришлую (тюркскую) традиции и относятся ко времени не позднее V–VI вв. н.э. Исследователь считает, что формирование колчанов с карманом связано с территорией Восточного Туркестана. По мнению Г.В. Кубарева [2005, с. 91], генезис данной модификации изделий связан с Алтаем.

Наиболее ранние вещественные находки колчанов с карманом зафиксированы в снаряжении населения булан-кобинской культуры Алтая IV–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 25–28]. В результате «степного влияния» в конце V в. н.э. колчаны с «карманом» (правда, с берестяным корпусом) распространились у воинов Тоба Вэй [Бобров, Худяков, 2005, с. 111]. Можно предположить, что использование подобных изделий в центрально-азиатском регионе связано с традициями материальной культуры кочевых племен, проживавших во владениях Жужанского каганата.

Рис. 5. Элементы снаряжения и бытовые изделия из комплекса Урд Улаан Унээт (без масштаба).

Фото Н.Н. Серегина:

1 — колчан с крюком; 2 — сосуд; 3 — нож; 4, 5 — обувь.

Fig. 5. Elements of equipment and household products from the complex Urd Ulaan Uneet (without scale).

Photo by N.N. Seregin:

1 — quiver with a hook; 2 — vessel; 3 — knife; 4, 5 — shoes.

Железный колчаный крюк (рис. 5, 1) имеет поперечную прямую планку на языке и щиток в виде сомкнутой овальной петли, вытянутой перпендикулярно основанию. Данное изделие

относится к типу 2 классификации колчаных крюков, предложенной одним из авторов настоящей статьи [Матренин, 2017, с. 9, рис. 2, 2–5]. В Центральной Азии ранние находки крюков с поперечной планкой зафиксированы в Туве на некрополе Аймырлыг-XXXI (II–III вв. н.э.)², в Восточном Забайкалье на могильниках Большая Канга-I, Дурой-I (не ранее III в. н.э.), а также в Монголии на памятнике Бурхан-Толгой (впускное погребение 25а, не древнее III в. н.э.) [Эрдэнэбаатар et al., 1998, рис. 5, 7, табл. 1; Ковычев, 2006, рис. 6: III, 4; Зюзин, 2008, с. 168]. Подобные предметы получили распространение в материалах кокзельской культуры Тувы и булан-кобинской культуры Алтая, относящихся ко второй четверти I тыс. н.э. [Вайнштейн, 1970, рис. 60, 2; 73, 8; Матренин, 2017, с. 12–13]. Многочисленные аналоги крюкам с поперечной планкой происходят из комплексов IV–VI вв. н.э. Они представлены в бурхотуйской и дарасунской культурах Восточного Забайкалья, у поздних «сяньби» на территории Северного Китая, у племен курумчинской культуры Прибайкалья, «кенкольцев» Тянь-Шаня, джетыясарского населения Восточного Приаралья, кочевников Приуралья и Северного Причерноморья гуннского времени, племен Новосибирского Приобья и др. [Асеев и др., 1984, с. 170, табл. VI, 8, XVIII, 1, 2, 3, 6; XX, 10; Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 2, 10, 11; Левина, 1994, рис. 139, 37; Засецкая, 1994, табл. 5, 12; 37, 21, 46, 19; Yu Junyu, 1997, fig. 9, 3; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 23, 9; Кириллов и др., 2000, рис. 75, 5, 76, 2, 80, 10; Боталов и др., 2006, с. 112, рис. 37, 6; Дашибалов, 2011, рис. 21, 10]. Верхнюю хронологическую границу использования крюков с планкой в воинском снаряжении населения Центральной Азии демонстрируют памятники кызыл-ташского этапа (вторая половина V — первая половина VI в. н.э.) культуры раннесредневековых тюрков, раскопанные на территории Алтая [Тишкин, Серегин, 2011, рис. 4, 6, 7].

Деревянный сосуд в виде кувшина (бокала) с ручкой (рис. 5, 2) обнаруживает точный аналог в памятнике жужанского времени (вторая половина IV — V в. н.э.) некрополя Яломан-II (Центральный Алтай) [Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 70]. Похожие изделия, имеющие иные пропорции тулова, зафиксированы на Алтае в могильниках Бош-Туу-I (II — начало III в. н.э.) и Балыктыюль (середина III в. н.э.) [Сорокин, 1977, с. 62, рис. 4; Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 45]. Однако в целом датировочного значения такая бытовая утварь не имеет. К тому же находки подобных изделий в археологических памятниках очень редки, что затрудняет объективное представление о масштабах их распространения.

Остальные категории сохранившегося инвентаря (железный нож с костяной рукоятью, кожаная обувь и др.) (рис. 5, 3–5) весьма показательны для изучения этнографического облика населения Монголии середины I тыс. н.э., а также реконструкции различных сторон системы жизнеобеспечения кочевников, но не информативны в плане хронологической атрибуции анализируемого комплекса.

Основные аспекты культурно-хронологической интерпретации

Скальное захоронение Урд Улаан Унээт, судя по имеющимся сведениям, представляет собой один из наиболее ранних комплексов подобного типа. Погребения, совершенные в гроте, пещере или расщелине скалы, демонстрируют особый вариант обрядовой практики, отличный от наблюдаемой на «стандартных» памятниках. На территории Монголии традиция создания таких объектов получила наибольшее распространение на завершающем этапе тюркского периода, а также в развитии средневековья [Серегин, 2018]. По мнению монгольского археолога С. Хурэлсух [2012, т. 84–86], появление скальных захоронений в большинстве случаев связано со стремлением верхушки общества номадов создать «секретное» захоронение, что было обусловлено нестабильностью военно-политической ситуации в регионе.

Этнокультурная интерпретация скальных погребений, изученных в центрально-азиатском регионе, остается дискуссионной. Существенным фактором, ограничивающим какие-либо заключения, является единичный характер таких объектов. При рассмотрении памятника Урд Улаан Унээт следует учитывать такую показательную черту обряда, как сопроводительное захоронение лошади, не выявленное при раскопках других погребений жужанского времени на территории Монголии. Не исключено, что данный элемент обряда в Западной Монголии может быть обусловлен контактами с носителями булан-кобинской культуры Алтая. Как известно, традиция захоронения человека с конем достаточно широко распространена в погребальной практике различных групп населения данной общности [Серегин, Матренин, 2016, с. 58–62]. Важно

² Выражаем признательность сотруднику Государственного Эрмитажа кандидату исторических наук Н.Н. Николаеву за возможность осмотреть часть коллекции этого некрополя.

обратить внимание на то, что в разрушенной скальной могиле находилась не целая лошадь, а ее части — голова и конечности [Баярсайхан, Түвшинжаргал, 2018, рис. 21]. Аналогии данному варианту ингумации с верховых конем в рассматриваемый период фиксируются также в отдельных погребениях булан-кобинской культуры IV–V вв. н.э. [Серегин, Матренин, 2016, с. 59]. Дополнительным аргументом в пользу предположения о возможном взаимодействии скотоводов Алтая и кочевников Западной Монголии жужанского времени следует считать исследованные погребения булан-кобинской культуры в Баян-Ульгийском аймаке [Төрбат, 2016; Батболд et al., 2018]. Стоит подчеркнуть, что ориентировка умершего человека головой в северо-западный сектор и деревянная погребальная камера также встречаются в ареале носителей булан-кобинской культуры.

Анализ сопроводительного инвентаря, зафиксированного в составе комплекса Урд Улаан Унээт, позволяет датировать погребение серединой IV — V в. н.э. с возможным расширением верхней хронологической границы до начала VI в. н.э. В публикациях монгольских археологов приведены результаты радиоуглеродного анализа одного образца — фрагмента древесины от основы седла (проведен в японской лаборатории): калибровочные данные по 2δ (91,1 %) cal AD 243–357 [Баярсайхан, Түвшинжаргал, 2018, т. 117]. С учетом неизбежного удревнения полученной даты в связи с материалом образца (дерево) эти данные в целом подтверждают предложенную выше хронологию скального захоронения.

Предметный комплекс, обнаруженный в скальном погребении Урд Улаан Унээт, отражает весьма широкие контакты населения Монголии жужанского времени в различных направлениях (Алтае-Саянский регион, Забайкалье, Маньчжурия, Восточный Туркестан, Средняя Азия). Кроме того, отчетливо выделяются «западные» связи, очевидно, демонстрирующие сложные миграционные процессы эпохи Великого переселения народов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии в рамках научного проекта № 19-59-44013.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арсланова Ф.Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1975. С. 116–129.
- Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
- Батболд Н., Батсүх Д., Баярхуу Н. Шивээт хайрхан уулын Сяньбийн үеийн булшны судалгаа // Сяньби, Жужаны үеийн түүх, соёлын судалгаа. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2018. Т. 65–69.
- Батсүх Д., Эрдэнэ Б., Энхбаяр Г., Төрбат Ц., Дюшен С., Николаева Д. Монгол-Францын хамтарсан «Тамир» төслийн 2015 оны хээрийн судалгааны ажлын үр дүнгээс // Монголын археологи-2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 155–157.
- Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т. Ховд аймгийн Мянгэд сумын нутаг «Урд Улаан Унээт» уулын дурсгал // Сяньби, Жужаны үеийн түүх, соёлын судалгаа. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2018. Т. 106–120.
- Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т., Баяндэлгэр Ч. Ховд аймгийн Мянгэд сумын «Урд Улаан Унээт» ууланд хийсэн хадны оршуулгын малтлага судалгаа // Монголын археологи-2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 86–88.
- Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т., Баяндэлгэр Ч., Мицнх Л. Ховд аймгийн Мянгэд сумын нутаг «Урд Улаан Унээт» уулын дурсгал // Хадан гэрийн соёл. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2017. Т. 5–28.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2005. С. 80–199.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского филиала ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.
- Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокаль в 1962 г. (погребения кызылганской и сыын-чурекской культур) // Труды Тувиной комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л.: Наука, 1970. Т. III. С. 7–79.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
- Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И. Баллистика от стрел до ракет. Новосибирск: ИТПМ СО РАН, 1995. 236 с.
- Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX века включительно). Владивосток: Дальнаука, 1994. 410 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.: Наука, 1995. С. 359–430.

Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай)...

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 176 с. (Археологические памятники сюнну; Вып. 2).

Данченко Г.П., Нестеров С.П. Два погребения гунно-сарматской эпохи из Аймырлыгской котловины: (Сравнительный анализ) // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск: Наука, 1989. С. 94–103.

Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: Хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2011. 174 с.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V в. н.э.). СПб.: Эллипс Лтд, 1994. 224 с.

Зюзин А.В. Предметы вооружения из сяньбийского могильника Дурой-I в Восточном Забайкалье // Этнокультурная история Евразии: Современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул: Азбука, 2008. С. 168–169.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. 176 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Ковычев Е.В. Лук и стрелы восточнозбайкальских племен I тысячелетия н.э. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 97–110.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во Иркут. тех. ун-та, 2006. Вып. 4. С. 242–258.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.

Комиссаров С.А., Худяков Ю.С. Еще раз о происхождении стремлян: Сяньбийский фактор // История и культура улуса Джучи. Казань: Фэн, 2007. С. 246–266.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье: (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.

Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.

Левина Л.М. Могильники Алтынасар-4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV: Джетысарская культура. Ч. 3–4: Могильники Алтынасар. М.: Наука, 1994. 312 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература РАН, 1996. 396 с.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. С. 115–129.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 196–205. (Археология СССР).

Матренин С.С. снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Матренин С.С. Псалии кочевников Алтая хунноско-сяньбийско-жужанского времени: Классификация и типология // Известия АлтГУ. 2018. № 2 (100). С. 167–173.

Монголын эртний түүх. Боть III: Жужань. Улаанбаатар, 2017. 229 т.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Очир А., Анхбаяр Б. Жужаны уейн булш // Монгол эртний булш оршуулга. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. III. С. 190–195.

Панкова С.В. Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции // Древнее искусство в зеркале археологии. Кемерово: Кузбассвузиздат. 2011. С. 117–141.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. — VI в. н.э. Туркестан: МКТУ, 2000. 200 с.

Серегин Н.Н. Скальные погребения Алтая и сопредельных территорий раннего средневековья: Культурно-хронологическая и этносоциальная интерпретация // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 41–51.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Синьцзян-Уйгурский автономный районный музей. Раскопки погребений третьего периода культуры могильника Чжагунылука в 1998 году // Синьцзянское культурное наследие. 2003. № 1. С. 1–19. (На кит. яз.).

Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 93–98.

Сорокин С.С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА. 1956. Т. XXVI. С. 97–117.

Сорокин С.С. Погребения эпохи «Великого переселения народов» в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Степанова Е.В. Седла гунно-сарматского времени // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 77: Археология без границ: Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 389–425.

Сяньби, Жужаны үеин түүх, соёлын судалгаа. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2018. 160 т.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 268 с. (Археологические памятники Алтая; Вып. 3).

Тишкин А.А., Мильников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. — V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 192 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V — 1-я половина VI вв. н.э.): Традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 14–32.

Төрбатын үеийн булш // Монгол эртний булш оршуулга. Улаанбаатар, 2016. Т. III. С. 182–189.

Төрбат Ц., Эрдэнэ-Очир Н., Батсүх Д., Энхбаяр Г. «Монголчуудын угсаатны бүрэлдэхүүн ба монголчуудын угсаа гарлын цогц судалгаа» төслийн хүрээнд эрдэнэ уул ба Хөх нуурт малтлага хийсэн тухай // Монголын археологи-2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 95–96.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Түвшинжаргал Т., Баярсайхан Ж. Урд улаан үнээт уулын хадны оршуулга: эмээлийн туухэн хөгжлийн асуудалд // Нуудэлчдийн ов судлал. 2017. Т. XVIII. Т. 79–93.

Хадан гэрийн соёл. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2017. 80 т.

Хандсүрэн Ц. Жужанское царство // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1993. С. 66–106.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников во II–V вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Новосибир. ун-т, 2005. С. 19–55.

Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочев В.А. Лук и стрелы из погребения на реке Кам-Тыттукем в Горном Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 279–288.

Хурэлсүх С. Хадны оршуулгын судалгааны зарим асуудал. Улаанбаатар, 2012. 144 т.

Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улаанбаатар, 2008. 239 с.

Цэвэндорж Д., Цэрэндагва Я., Эрдэнэ-Очир Н. Санамсаргүй хондогдсон нэгэн булшны тухай // Туухийн сэтгүүл. 2003. Т. IV. Ф. 2. Т. 23–28.

Эрдэнэбаатар Д., Төрбат Ц., Эрдэнэбат У., Крюбезы Э., Жискара П.-Х., Мюраи П., Хай Л. Бурхан толгойн хүннү булшны судалгаа // Археологийн судлал. 1998. Б. XVIII. Т. 92–108.

Эрэгзэн Г., Ишцэрэн Л. Худгийн халзангийн олдворын холбогдох он цаг ба Жужаны археологийн дурсталын судалгааны асуудалд // Археологийн судлал. 2014. Б. XXXIV. Д. 1–31. Т. 264–276.

Excavation of Tomb (coded 88M1) in a Brickyard at Shiertai Township, Chaoyang // Wenwu. 1997. № 11. P. 19–32. (На кит. яз.).

Giscard P.-H. Some aspects of the study of the funerary practices of Xiongnu common people // Studia Archaeologica. 2011. Т. XXXI. Ф. 6. P. 81–102.

Yu Junyu. Relics of the Former Yan Unearthed at Sanhecheng, Chaoyang // Wenwu. 1997. №11. P. 42–48. (На кит. яз.).

N.N. Seregin^a, S.S. Matrenin^{a,b}, T.-O. Iderkhangai^c

^a Altai State University
prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation

^b Barnaul Law Institute
Chkalova st., 49, Barnaul, 656038, Russian Federation

^c Ulaanbaatar State University
prosp. Dorzha, 5, Ulan-Bator, 210351, Mongolia

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru; matrenins@mail.ru; iderkhangai2007@yahoo.com

Cave burial of Urd Ulaan Uneet (Mongolian Altai): potential of cultural-chronological interpretation

The article considers the materials of the Urd Ulaan Uneet cave burial, investigated in 2015. This complex is located in the Tsagaanbulag Myangad Somon of Kobdo Aimak of Mongolia, at the altitude of 1327 m a.s.l. Pre-

Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай)...

sented is the description of the circumstances of discovery of this important site, as well as the existing experience of studying and publishing of the materials. The main objective of the study is the detailed analysis of the main categories of finds from the cave burial, the most informative of which include wooden saddle, iron bits with horn psalia, compound bow, arrowheads, leather quiver with iron hook, and wooden vessel. For the interpretation of these items, extensive archaeological sources of the Syanby-Rouran and medieval time, assembled during the excavations in various parts of the Central Asian region, were involved. Based on the results obtained, a number of conclusions have been made regarding the cultural and chronological interpretation of the site. It has been established that the Urd Ulaan Uneet complex is one of the rare objects of the Rouran time in Mongolia, and the only known cave burial of this chronological period. The monument can be confidently dated to the middle of the 4th–5th c. AD with the possible extension of the upper chronological boundary to the beginning of the 6th c. AD. This conclusion is generally supported by the results of radiocarbon analysis presented in the publications of Mongolian archaeologists. An indicative characteristic of the cave site, not revealed during the excavations of other objects of the Rouran period in Mongolia, is the accompanying burial of a horse. Obviously, this feature of the funeral rite is explained by contacts with the population of the Bulan-Koby Culture. The weighty argument in favor of the proposed possible interactions between the Altai cattle breeders and nomads of Western Mongolia in the Rouran period could be found among the investigated burials of the Bulan-Koby Culture in the Bayan-Ulgii Aimag. The material complex found during the excavation of the Urd Ulaan Uneet cave burial reflects the very wide contacts of the population of Mongolia in various directions (Altai-Sayan Region, Trans-Baikal Region, Manchuria, East Turkestan, Central Asia) in the middle of the 1st mil. AD. In addition, the «western» relations are clearly distinguishable; these obviously demonstrate the complex migration processes of the Great Migration Period.

Key words: rock burial, Rouran period, Mongolian Altai, finds, chronology, interpretation.

Funding. The reported study was funded by RFBR and MCESSM according to the research project № 19-59-44013.

REFERENCES

- Arslanova F.Kh. (1975). Mounds with a «mustache» of East Kazakhstan. In: *Drevnosti Kazakhstana* (pp. 116–129). Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR. (Rus.).
- Aseev I.V., Kirillov I.I., Kovychev E.V. (1984). *Nomads of Transbaikalia in the Middle Ages (on materials of burials)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Bayarsaikhan Zh., Tuvshinzhargal T. (2018). Monument «Urd Ulaan Unaet» in Mangyad somon of Khovd aimak. In: *Sian'bi, Zhuzhany uein tyikh, soelyn sudalгаа* (pp. 106–120). Ulaanbaatar: Mongolyn Yndesnii muzei. (Mong.).
- Bayarsaikhan Zh., Tuvshinzhargal T., Bayandelger Ch. (2016). Investigation of rock burial at «Ulan Uuat» mountain in Myangad soum, Khovd province. In: *Mongolyn arkheologi-2015* (pp. 86–88). Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tuukh. (Mong.).
- Bayarsaikhan Zh., Tuvshinzhargal T., Bayandelger Ch., Mshchkh L. (2017). Monument «Urd Ulaan Unaet» in Mangyad somon of Khovd aimak. In: *Khadan geriin soel* (pp. 5–28). Ulaanbaatar: Mongolyn Yndesnii muzei. (Mong.).
- Batbold N., Batsukh D., Bayarkhuu N. (2018). Study of the Syanbi burials of the Shiveet Khankhan monument. In: *Sian'bi, Zhuzhany uein tuukh, soelyn sudalгаа* (pp. 65–69). Ulaanbaatar: Mongolyn Yndesnii muzei. (Mong.).
- Batsukh D., Erdene B., Enkhbayar G., Turbat Ts., Duchesne S., Nikolaeva D. (2016). The results of the work of the joint Mongol-French expedition in the framework of the Tamir project in 2015. In: *Mongolyn arkheologi-2015* (pp. 155–157). Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tuukh. (Mong.).
- Bobrov L.A., Khudiakov Yu.S. (2005). Military affairs of the Syanbi states of Northern China of the 4th–6th centuries AD. In: *Voennoe delo nomadov Tsentral'noi Azii v sian'biiskuiu epokhu* (pp. 80–199). Novosibirsk: Novosib. un-t. (Rus.).
- Botalov S.G., Tairov A.D., Liubchanskii I.E. (2006). *Mounds with a «mustache» of the Ural-Kazakhstan steppes*. Cheliabinsk: Izd-vo Iuzhno-Ural'skogo filiala IIA UrO RAN. (Rus.).
- Danchenok G.P., Nesterov S.P. (1989). Two burials of the Hun-Sarmatian era from the Aymyrylg basin: (Comparative analysis). In: *Metodicheskie problemy rekonstruktsii v arkheologii i paleoekologii* (pp. 94–103). Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Dashibalov B.B. (2011). *Antiquities of the Khori-Mongols: The Hunno-Syanbi heritage of Baikal Siberia*. Ulan-Ude: Izd-vo Buriat. un-ta. (Rus.).
- Davydova A.V. (1996). *Ivolginsky archaeological complex. Vol. 2: Ivolginsky burial ground*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (Rus.).
- Erdenebaatar D., Turbat Ts., Erdenebat U., Crubezy E., Giscard P.-H., Miurai P., Khai L. (1998). Burials of the Xiungnu at the Burkhan Tolga site. *Arkheologiiin sudlal*, (18), 92–108. (Mong.).
- Eregzen G., Ishteren L. (2014). Chronology of finds from the Khudgyn Khalzan complex and questions of archeology of Rouran. *Arkheologiiin sudlal*, (34), 264–276. (Mong.).
- Gavrilova A.A. (1965). *Kudyrge burial ground as a source on the history of Altai tribes*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).

- Giscard P.-H. (2011). Some aspects of the study of the funerary practices of Xiongnu common people. *Studia Archaeologica*, (31), 81–102.
- Gorbunov V.V. (2006). *The military affairs of the population of Altai in the 3rd–14th centuries. Part II: Offensive weapons*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Gorelik M.V. (1995). Armament of the peoples of East Turkestan. In: *Vostochnyi Turkestan v drevnosti i ranem srednevekov'e* (pp. 359–430). Moscow: Nauka, 1995. (Rus.).
- Khandsuren Ts. (1993). Rouran kingdom. In: *Etnicheskaia istoriia narodov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii* (pp. 66–106). Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Khudiakov Yu.S. (1986). *Armament of the medieval nomads of South Siberia and Central Asia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Khudiakov Yu.S. (1991). *Armament of Central Asian nomads in the Era of the Early and Developed Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Khudiakov Yu.S. (2005). Armament of the Central Asian nomads in the 2nd–5th centuries AD. In: *Voennoe delo nomadov Tsentral'noi Azii v sian'biiskuiu epokhu* (pp. 19–55). Novosibirsk: Novosib. un-t. (Rus.).
- Khudiakov Yu.S., Ebel' A.V., Kochev V.A. (1998). Bow and arrows from the burial on the Kam-Tyttukem river in the Altai Mountains. In: *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* (pp. 279–288). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Khurelsukh S. (2012). *The results of the study of cave burials*. Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tuukh. (Mong.).
- Kirillov I.I., Kovychev E.V., Kirillov O.I. (2000). *Darasun complex of archaeological sites. East Transbaikalia*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Kliashornyi S.G., Savinov D.G. (2005). *Steppe empires of ancient Eurasia*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU. (Rus.).
- Komissarov S.A., Khudiakov Yu.S. (2007). Once again about the origin of the stirrups: The Syanbi factor. In: *Istoriia i kul'tura ulusa Dzhuchi* (pp. 246–266). Kazan': Fen. (Rus.).
- Konovalov P.B. (1976). *Hunnu in Transbaikalia: (Funeral monuments)*. Ulan-Ude: Buriat. kn. izd-vo. (Rus.).
- Kovychev E.V. (1981). Bow and arrow of the East Transbaikal tribes of the 1st millennium A.D. In: *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noi Azii* (pp. 97–110). Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kovychev E.V. (2006). Some questions of the ethnic and cultural history of East Transbaikalia at the end of the 1st millennium BC — I millennium AD. In: *Izvestiia laboratorii drevnikh tekhnologii. Vyp. 4* (pp. 242–258). Irkutsk: Izd-vo Irkut. tekhn. un-ta. (Rus.).
- Kozhombardiev I.K., Khudiakov Yu.S. (1987). Kenkol warrior weapon complex. In: *Voennoe delo drevnego naseleniia Severnoi Azii* (pp. 75–106). Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kradin N.N. (2007). *Nomads of Eurasia*. Almaty: Daik-Press. (Rus.).
- Kubarev G.V. (2005). *Culture of the ancient Turks of Altai (based on materials from funerary monuments)*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Kychanov E.I. (2010). *The history of ancient and medieval states bordering China (from the Huns to the Manchus)*. St. Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo. (Rus.).
- Kyzlasov L.R. (1979). *Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)*. Moscow: Izd-vo MGU. (Rus.).
- Levina L.M. (1994). *Altinazar-4 burial grounds. Vol. IV. Part 3–4*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Levina L.M. (1996). *Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region. I millennium BC — I millennium AD*. M.: Vostochnaia literatura RAN. (Rus.).
- Mamadakov Iu.T., Gorbunov V.V. (1997). Ancient Turkic burial mounds of Katanda III. In: *Izvestiia laboratorii arkheologii* (pp. 115–129). Gorno-Altai: GAGU. (Rus.).
- Mandel'shtam A.M., Stambul'nik E.U. (1992). Hun-Sarmatian period in the territory of Tuva. In: *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia* (pp. 196–205). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Matrenin S.S. (2017). *Altai nomadic equipment (1st century BC — 1st century AD)*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. (Rus.).
- Matrenin S.S. (2018). Psalia of the Altai nomads of the Hunnu-Syanbi-Juan time: Classification and typology. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 167–173. (Rus.).
- Ochir A., Ankhbayar B. (2016). Burial of Rouran time. In: *Mongol ertni bulsh orshuulga* (pp. 190–195). Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tuukh. (Mong.).
- Ovchinnikova B.B. (1990). *Turkic antiquities of Sayano-Altai in the 6th–10th centuries*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta. (Rus.).
- Pankova S.V. (2011). Warriors of Tashtyk miniatures: Attribution possibilities. In: *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii* (pp. 117–141). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. (Rus.).
- Podushkin A.N. (2000). *Arys culture of South Kazakhstan 4th century BC — 6th century AD*. Turkestan: MKTU. (Rus.).
- Seregin N.N. (2018). Rock burials in Altai and adjacent territories of the Early Middle Ages: Cultural-chronological and ethnosocial interpretation. *Povolzhskaya arkheologiya*, (2), 41–51. (Rus.).
- Seregin N.N., Matrenin S.S. (2016). *Funeral rite of Altai nomads in the 2nd century BC — 11th century AD*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).

Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай)...

- Soenov V.I. (1998). The bit and psalia of the Hun-Sarmatian time of the Altai Mountain. In: *Snariazhenie verkhovogo konia na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e* (pp. 93–98). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Sorokin S.S. (1956). Central Asian underground and catacomb graves as local cultural monuments. *Sovetskaiia arkhologia*, (26), 97–117. (Rus.).
- Sorokin S.S. (1977). Burials of the era of the «Great Migration of Peoples» in the region of Pazyryk. *Arkhologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, (18), 57–67. (Rus.).
- Stepanova E.V. (2015). Saddles of the Hun-Sarmatian time. In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 77: Arkheologia bez granits: Kollektii, problemy, issledovaniia, gipotezy* (pp. 389–425). St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha. (Rus.).
- Tishkin A.A., Gorbunov V.V. (2005). *The complex of archaeological sites in the valley Biyke (Altai Mountains)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V. (2018). *Altai in the Syanbi-Juan time (based on the Stepushka monument)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Tishkin A.A., Myl'nikov V.P. (2016). *Woodworking in Altai in the 2nd century BC — 5th century AD (based on materials of the monuments Yaloman II and Bosch-Tuu-I)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Tishkin A.A., Seregin N.N. (2011). The subject complex of the monuments of the Kyzyl-Tash stage of Turkic culture (2nd half of the 5th — 1st half of the 6th centuries AD): Traditions and innovations. In: *Teoriia i praktika arkhologicheskikh issledovani. Vyp. 6* (pp. 14–32). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Troitskaia T.N., Novikov A.V. (1998). *Verkhnuaya Ob culture in Novosibirsk Ob river Region*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Tsevendorzh D., Bayar D., Tserendagva Ya., Ochirkhuiag Ts. (2008). *Archeology of Mongolia*. Ulanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tuukh. (Rus.).
- Tsevendorzh D., Tserendagva Ya., Erdene-Ochir N. (2003). The publication of one destroyed burial. *Tuukhiin setguul*, (2), 23–28. (Mong.).
- Turbat Ts. (2016). Common Syanbi burials. In: *Mongol ertnii bulsh orshuulga* (pp. 182–189). Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tuukh. (Mong.).
- Turbat Ts., Erdene-Ochir N., Batsukh D., Enkhbayar G. (2016). A comprehensive study of the ethnogenesis and tribal composition of the Mongolian tribes based on archaeological excavations of the Erdene uul and Hoh nuur complexes. In: *Mongolyn arkhologi-2015* (pp. 95–96). Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tuukh. (Mong.).
- Tuvshinzhargal T., Bayarsaikhan Zh. (2017). Cave burial Urd Ulaan Uneet: A rare find of a saddle. *Nuudelchdiin ov sudlal*, (18), 79–93. (Mong.).
- Vainshtein S.I. (1970). Excavations of the Kokel burial ground in 1962 (burials of the Kyzylgan and Syy-Churek cultures). In: *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii. T. 3* (pp. 7–79). Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Vainshtein S.I. (1991). *Nomad World of the Center of Asia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Vedernikov Yu.A., Khudyakov Yu.S., Omelaev A.I. (1995). *Ballistics from arrows to missiles*. Novosibirsk: ITPM SO RAN. (Rus.).
- Vorob'ev M.V. (1994). *Manchuria and Eastern Inner Mongolia (from ancient times to the 9th century inclusive)*. Vladivostok: Dal'nauka. (Rus.).
- Yu. Junyu (1997). Relics of the Former Yan Unearthed at Sanhecheng, Chaoyang. *Wenwu*, (11), 42–48. (Chin.).
- Zasetskaia I.P. (1994). *The culture of nomads of the Southern Russian steppes in the Hun era (end of 4th — 5th century AD)*. St. Petersburg: Ellips Ltd. (Rus.).
- Ziuzin A.V. (2008). Weapons from the Syanbi burial site Dura-I in East Transbaikalia. In: *Etnokul'turnaia istoriia Evrazii: Sovremennye issledovaniia i opyt rekonstruktsii* (pp. 168–169). Barnaul: Azbuka. (Rus.).

Серегин Н.Н., <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Матренин С.С., <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Идэрхангай Т.-О., <https://orcid.org/0000-0001-5077-1100>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020